Л.Н. ВЕРЧЁНОВ

ОТ ВЛАСТИ УТОПИИ К УТОПИИ ВЛАСТИ

Рецензия на кн.: *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.

Возьму на себя смелость предложить рецензию любителя на книгу профессионала. Просто после «Красной смуты»[1] стараюсь не пропускать публикаций В.П. Булдакова. Привлекает, *что* и *как* он пишет о России.

Новая книга посвящена России 1920-х годов. Казалось бы, с точки зрения современного образованного российского обывателя – интересный, в чем-то конструктивный и более или менее спокойный период в становлении советского общества. Но, возражает автор, 1920-е годы сейчас идентифицируют с нэпом, нэп – с реформой, а все десятилетие объявляют самым демократическим периодом в жизни советской России. «Трудно придумать что-либо более нелепое… “Уроки истории” можно усвоить только с культурно-антропологических позиций» (с. 715). Именно культурно-антропологический подход позволяет убедительно показать, как в условиях постреволюционного хаоса 20-х годов рождались сталинские 30-е.

Помню, как потрясли сразу после 1991 г., как «вставили» (говоря языком современной молодежи) слова поэта: «Мы рождены в стране, которой больше нет» (Евг. Евтушенко). Эта «формула»

[1] *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 976 с.

как-то объяснила смятенность мироощущения в тот период. Зыбкое и не устоявшееся состояние сегодняшнего российского общества в какой-то мере этим же самым, по-моему, и объясняется.

А ведь подобное, только в еще более гигантском масштабе произошло в постреволюционные 20-е: исчезла прежняя страна, было разрушено прежнее социально-экономическое пространство, на развалинах строилась страна, в которой все оказывалось принципиально иным. Собственно, осмыслению того, что происходило в 20-е годы на пространстве бывшей Российской империи, посвящена рецензируемая книга, особенно главы I «"Старое" и "новое" культурное пространство» и II «У разбитого корыта революционных иллюзий».

Чтобы показать, какая психоментальная ситуация неизбежно должна была возникнуть в разрушающемся социальном пространстве «остывающей» от «восстания масс» России, используется источниковая база, которая намеренно противопоставляется официальным бюрократическим отчетам того времени. «Стоит, наконец, предоставить слово не лидерам и бюрократам, а "маленькому человеку"» (с. 17–18).

В источниковой базе важный массив составляют письма «простых» людей, отправленные И.В. Сталину (РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 84–85). Интересны автору и материалы партийных «чисток» 1920-х годов – «вопли души», взывающие к Сталину (РГАСПИ.Ф. 613). «Даже подготовленный исследователь будет поражен обилием многоликого отребья, которое привела под большевистские знамена "красная смута"» (с. 19).

В.П. Булдакова интересуют документы личного происхождения. С одной стороны, это те самые «письма во власть» простых людей и, с другой стороны, дневники, воспоминания представителей «элиты» и литературные произведения того времени.

Вообще-то 20-е годы были временем, когда, по замечанию Н. Мандельштам, люди еще «не успели по-настоящему испугаться» (с. 663). Когда «человек толпы» мог позволить себе фамильярно «похлопать по плечу» вождей (с. 144). Например, в феврале 1923 г. комсомолец из Орловской губернии обращается в письме к Ленину «Дружок Володя» и просит «брата» дать совет ему, «глупому мальчику». К Сталину обращались более официально: «Тов. Сталин» или «Дорогой Иосиф Виссарионович», хотя встречалось и обраще-

ние «Братишка». В сентябре 1926 г. 18-летняя Д. Ануфренкова из Смоленской губернии посылает «весточку с просьбой многоуважаемому, многоповелительному, многозаступительному тов. Сталину» с тем, чтобы он поддержал ее «совершенно упавшую энергию» и помог устроиться на учебу (с. 144–146). К Калинину, а он был культовой фигурой для крестьян, часто обращались «Милый друг» (с. 277).

Впрочем, замечает В.П. Булдаков, восстановление иерархического ритуала было не за горами.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать еще одно примечательное письмо. Сталина провоцировали на власть откровенно черносотенные силы, концентрирующие в себе всю ту дурь, которая накапливается в «нерешительных» массах. К примеру, некий «аноним» от лица «рабочих» писал: «Гражданин Сталин. Пишу Вам это письмо как русскому человеку среди пейсов… Бедная наша родина, бедная Россия, что сделали из нее… Прощайте, русский человек, может, еще у Вас в душе что-нибудь осталось русского и Вы защитите нас от жидовского засилья». Вот так «истинно русские люди» готовы были воззвать к инородцу-бастарду, полагая, что только он способен защитить от засилья «чужих» (с. 173).

На протяжении 20-х годов потерпело неудачу стремление поставить пролетариев во главе государства, к тому же превращение дореволюционных пролетариев в советский рабочий класс шло параллельно с ростом их недовольства «благополучными» социумами, в том числе «сельской буржуазией».

Сельское пространство, в свою очередь, стихийно структурировалось по принципу противостояния городу. Постреволюционная деревня откатывалась к натурализованному хозяйству, вместо равнения на «справного» хозяина крестьян все больше привлекал безответственно-дотационный тип ведения хозяйства, практикуемый бедняками, как правило неудачниками.

Городские «бывшие» социально деградировали, не удалось создать из них «креативный класс».

Таким образом, психодинамика постреволюционного десятилетия определялась дроблением старой социальной структуры и явной неспособностью новообразовавшихся социумов к самостоятельному формулированию жизненных программ. На фоне сла-

беющей революционной аффектации сложилась ситуация тотального взаимонедоверия, с риском перерасти в войну всех против всех.

Рождение порядка из хаоса обычно бывает связано с согласием измученных масс на понятный им порядок старого образца, мимикрирующий под новизну. В России «утопии преходящи, вера в патерналистские основания и потенции власти вечна» (с. 695).

Диалектика логического и исторического выстраивается В.П. Булдаковым следующим образом: фрустрации посткризисных времен и увядание революционных грез возрождают консервативные утопии, а допинг агрессивной доктрины помогает осуществить подмену революционной власти исторически апробированным русским эквивалентом, «моносубъектом власти» (в терминологии Ю.С. Пивоварова), которым в данном случае становится вождизм.

В 1920-е годы решающим фактором, убедительно доказывает автор, становится формирование образа власти снизу – со стороны людей, мечтающих о преодолении хаоса. «Чем архаичнее общественное пространство, тем примитивнее будет власть, выросшая из его турбулентного состояния. Люди постреволюционной России, – таков жесткий и даже жестокий приговор, – заслужили деспота» (с. 733).

В своих исследованиях В.П. Булдаков последовательно проводит линию антропологического подхода в описании кризисного ритма российской истории, суть этого подхода – относительная неизменность психоментальных реакций Homo rossicus: «В разные исторические эпохи “закинут” один и тот же Homo rossicus. Он и сейчас не может разобраться, в каком историческом времени живет»[1].

В рецензируемой книге, впрочем, автора интересует не сам по себе отдельный человек как субъект исторического (и политического) процесса, в фокусе его наблюдения измученные постреволюционным бытом, разуверившиеся в постреволюционных ожиданиях, утратившие смысл происходящего, деморализованные «город» и «село» – перебунтовавшие традиционалистские низы, которые и возрождают привычную им модель власти, присущую российской парадигме «смерти-возрождения империи».

[1] *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 76–105.

«Всё возвращается на круги своя, Империи, – замечает В.П. Булдаков, – существуют по собственным законам независимо от личин, под которыми выступают» (с. 649).

Учитывая тему настоящего номера «Политической науки», уместно привести соображение автора о том, что сталинизм «не мог возникнуть без пассивного “соучастия во власти” наиболее наивных и несамостоятельных слоев русского общества… все болезни возникшего режима были связаны с тем, что его “модернизаторские” интенции базировались на рудиментарных утопических представлениях, расстаться с которыми не находилось сил у слишком многих подданных “красной империи”» (с. 732). Культ вождя рождался снизу еще до того, как Сталин рискнул претендовать на эту роль.

Таков лейтмотив объемного исследования В.П. Булдакова. В «Предисловии» он объясняет причину, подвигшую его на этот фундаментальный труд (поражает объем проделанной работы – 733 страницы текста, и только на восьми страницах нет сносок, отсылающих к источникам упоминаемых событий или цитированных документов): «Трудно надеяться, что проблема “тирана, которого мы выбираем”, скоро получит законную прописку в российской историографии, но можно не сомневаться, что рано или поздно это произойдет» (с. 16). Рецензируемая монография – это вклад В.П. Булдакова в приближение этих сроков.

Отметим в заключение, что это работа историка, и ее будут читать и обсуждать в первую очередь историки. Но и для представителей социальных наук, в том числе для политологов, здесь более чем достаточно «информации к размышлению» – ведь эта книга, ко всему прочему, о том, «на каких людских эмоциях заквашен традиционный российский авторитаризм. В известном смысле это рассказ об истоках главных напастей, потрясающих Россию до сих пор» (с. 8).